

ГІСТОРЫЯ

УДК 94(476)"1941/1942"

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСТАВСКОЙ ПОЛИЦИИ)***канд. ист. наук, доц. Е.А. ГРЕБЕНЬ***Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск**

На основе материалов поставской полиции рассматривается общественно-политическая ситуация в Западной Беларуси в начальный период нацистской оккупации. Приведены основные виды правонарушений, совершенных местными жителями, сотрудниками полиции и коллаборационной администрации. Отмечается, что в первые месяцы оккупации обнажились имевшие место конфликтные ситуации между гражданами, некоторые из которых пытались использовать немцев и коллаборационистов как инструмент мести своим обидчикам периода советской власти.

Два десятилетия польского владычества и недолгая советская власть создали в регионе предпосылки для социальных конфликтов. Имели место конфликты между польскими осадниками, представителями шовинистических организаций, национально сознательными белорусами, белорусскими крестьянами, являвшимися дискриминируемой частью общества в условиях господства поляков. После установления в сентябре 1939 г. нового общественно-политического строя раскол в обществе еще более усилился в результате репрессий советских властей по отношению к польским шовинистам и просто зажиточным гражданам. Дискриминируемая ранее часть населения положительно принимала преобразования новых властей. С приходом немецких оккупантов конфликтующие стороны попытались использовать новые реалии оккупационной повседневности в своих интересах. Сложившаяся в условиях нацистской оккупации общественно-политическая ситуация исключительно хорошо отражена в уникальном корпусе документов – материалах поставской полиции (фонд 2843, опись 1, дела 1 – 21 Государственного архива Витебской области), которые охватывают осень 1941 г. – весну 1942 г.

Материалы поставской полиции иллюстрируют конкретные конфликтные ситуации, возникавшие между гражданами, совершаемые ими правонарушения и реакцию коллаборационной администрации на них. В документах фигурируют представители различных национальностей, конфессий возрастов: белорусы, поляки и русские, православные, старообрядцы и католики, молодежь и лица пожилого возраста, обычные граждане и представители коллаборационной администрации и сотрудники полиции.

Сотрудники полиции расследовали факты нарушения общественного порядка и самогонварения. Например, комендант полицейского поста дер. Василены Поставского района 16.11.1941 г. приехал в дер. Андроны и, основываясь на показаниях граждан, обнаружил двух местных жителей за производством самогона. На месте производства был обнаружен самогонный аппарат и 2 бочки с брагой. Правонарушители свою вину признали, но заявили, что гнали самогон не на продажу, а на освещение церкви в их деревне. Во время допроса граждан заведующим уголовно-административным отделом Поставского уездного управления выяснилось, что комендант полиции приехал в тот момент, когда они только собирались приступить к самогонварению, одолжив самогонный аппарат. Комендант полиции заставил их закончить процесс, в результате было произведено 18 бутылок самогона; после чего комендант пробыл в деревне двое суток, выпил часть самогона, устроил стрельбу в доме и, забрав остальной самогон, уехал, после чего дал делу о самогонварении ход. Начальник Поставского района, рассмотрев материалы дела (протокол на нарушителей и протоколы допроса обвиняемых), постановил передать дело коменданту жандармерии для определения меры наказания. Последний распорядился наказать виновных денежным штрафом по 20 марок каждого [1, л. 1 – 3, 6]. В ходе дальнейшего разбирательства выяснилось, что комендант полиции сдал только часть конфискованного самогона, упомянутого в протоколах допросов правонарушителей, поэтому начальник районной администрации оштрафовал на 20 марок самого коменданта полиции [2, л. 14, 16].

Нередко полиция вынуждена была расследовать бытовые конфликты, причем среди обвинений гражданами друг друга и в поданных в полицию заявлениях фигурирует как антикоммунистическая, так и антинемецкая риторика. Например, 6.04.1942 г. житель дер. Черемошники был избит молодыми людьми со словами «Ты нямецкі сабака, ты нямецкі шпіён». Жалобщик указал также, что у нападавших якобы имеется несданное оружие. Во время конфликта присутствовало 12 участников драки и свидетелей, использовались

толкач, свинчатка, топор, несколько человек получили телесные повреждения, подтвержденные медицинскими свидетельствами. Из постановления начальника района видно, что в этой запутанной истории следствие до конца разобраться не смогло, и дело было передано в жандармерию [3, л. 1, 23 – 29].

В апреле 1942 г. полиции пришлось разбирать инцидент в дер. Чорты, где был избит житель деревни. В ходе полицейского дознания выяснено, что потерпевшему были нанесены тяжкие телесные повреждения (ножевые раны в районе сердца, порез руки, ушиб головы топором) в результате бытового конфликта. По показаниям многочисленных участников инцидента потерпевший с товарищем явились в дом, откуда их попросили уйти, после чего произошел конфликт. Начальник уездной управы констатировал виновность ряда фигурантов дела и передал его коменданту жандармерии [4, л. 2 – 9, 13].

Проводивший дознание в дер. Чорты полицейский вскоре и сам стал потерпевшей стороной в очередном бытовом конфликте. Согласно поданному рапорту, полицейский со своим коллегой присутствовали на свадьбе в дер. Малая Ольса, куда явилась группа молодых людей, устроившая в хате скандал. Когда полицейские попытались их успокоить, их выволокли на улицу, обезоружили и избили отобранным револьвером. Согласно протоколу допроса очевидцев, один из нападавших говорил, что они еще при Польше умели разоружать полицию. Присутствовавший на свадьбе полицейский Комайского поста не только не помог коллегам, а подзадоривал нападавших, говоря, что поставская полиция не имеет патронов в пистолетах и способна только евреев стрелять, а не порядок наводить на свадьбе. Инцидент интересен, во-первых, тем, что среди полицейских разных подразделений одного района отсутствовала корпоративная солидарность, во-вторых, высказыванием, что при Польше местные жители уже имели опыт столкновений с полицией и не испытывали пиетета по отношению к представителям правопорядка. Проанализировавший материалы дела начальник Поставкой районной управы констатировал виновность четырех участников инцидента, в т.ч. полицейского, не оказавшего помощи своим пострадавшим коллегам, и передал дело для принятия решения коменданту жандармерии [5, л. 1, 8, 8 об., 15].

Полиции приходилось рассматривать дела о краже имущества. Так, в ночь на 28.04.1942 г. из амбара гражданина было похищено 27 пачек махорки и 3 кг листового табака. Свидетель показала, что ночью видела на улице обвиняемого по данному делу гражданина, который якобы шел от амбара и что-то нес под полой. Обвиняемый вину не признал и представил свидетельства односельчан относительно своей благонадежности. В качестве аргумента своей невиновности он выдвинул предположение, что его обвиняют из чувства мести, поскольку он, будучи солтысом, наряжал людей на работы. Начальник уезда отметил, что похищенный табак не был найден, не был выяснен способ проникновения злоумышленника в амбар, и, воздержавшись от оценки инцидента, передал дело коменданту жандармерии [6, л. 6, 7].

Под стать местным нарушителям общественного порядка были и сотрудники полиции, поступки которых тоже становились предметом рассмотрения следственных органов. Так, 30.01.1942 г. в дом к жителю дер. Великая Ольса явились начальник отделения полиции и его сослуживец, которые чуть не застрелили собаку, напугали ребенка и забрали 2 литра керосина, пару колбас, 0,5 кг сала, требовали мед. Потерпевший сообщил об инциденте другому полицейскому, который зафиксировал его показания в рапорте. В ходе следствия были опрошены свидетели, потерпевший и обвиняемые, причем последние утверждали, что будучи не при исполнении обязанностей и не имея форменных повязок, поехали в деревню купить продукты, и что у потерпевшего ничего силой не отнимали. Свидетели, среди которых также были сотрудники полиции, показали, что поездке предшествовало распитие спиртных напитков. Начальник района, изучив материалы следствия, счел показания потерпевшего и свидетелей противоречащими, воздержался от собственных оценок, что было нетипично для подобных дел, и передал дело коменданту жандармерии [7, л. 1 – 13].

В следственных материалах полиции фигурировали сотрудники низового звена коллаборационной администрации, злоупотреблявшие своим служебным положением. Например, 4.03.1942 г. начальник района рассмотрел материалы дела по обвинению сельского старосты. Подавший заявление в криминальный отдел крестьянин сообщил, что солтыс принудил его сдать корову в счет поставок германской армии несмотря на то, что корова была стельная, после чего обменял ее на корову другого крестьянина, а самого жалобщика 70-ти лет заставил гнать чужую корову в Крулевщизну. Солтыс действовал вопреки распоряжению взять корову у другого крестьянина, у которого было больше скота. Налицо было стремление старосты, пользуясь служебным положением, освободить от поставок одного крестьянина, помочь (явно небескорыстно) другому крестьянину, которому обмен его коровы на стельную корову жалобщика был выгоден, и решить вопрос поставки скота за счет престарелого односельчанина. Рассмотрев материалы дела, начальник района посчитал факт злоупотреблений старосты доказанным. Очевидно, возможность защиты своих прав пожилым человеком не рассматривалась [8, л. 1, 1 об., 4, 4 об., 8].

ГІСТОРЫЯ

В аналогічным случае в злоупотреблениях по службе были обвинены два полицейских. Воропаевский волостной старшина на основании соответствующего распоряжения немецких властей поручил полиции передать в Воропаевское имение всех еврейских коров, которые были куплены христианами у евреев, причем полиции был выдан список лиц, у которых имелись купленные у евреев коровы. Вопреки донесению полицейского о выполнении распоряжения волостной старшина выяснил, что коровы забраны не у всех. Кроме того, поступила жалоба гражданина на сына, который забрал у отца коня. В жалобе указывалось, что в присутствии представителя местной администрации был произведен раздел имущества между супругами (жена ушла жить к сыну). По мнению пострадавшего, сын забрал его коня по наговору зятя, служившего в полиции. Волостной старшина поручил полиции вернуть коня потерпевшему, но полицейский встал на сторону похитителя и угрожал жалобщику, что если он и далее будет настаивать на возврате, то его отправят в жандармерию в Глубокое, где он будет избит [9, л. 4, 11, 11 об., 13].

В 1941 г. желающих устроиться на работу в органы местной администрации и полиции хватало. В заявлении гражданина (декабрь 1941 г.) на имя старшины Дунилковской волости содержалась просьба принять его на службу в полицию и сообщалось, что у просителя не имеется движимого и недвижимого имущества и средств к существованию [10, л. 20]. В аналогичном заявлении гражданин просил бургомистра Постав предоставить ему работу в канцелярии, сообщая, что он является сыном крестьянина, владеет польским, «советским» (русским – Е.Г.), белорусским и немецким языками. Впрочем, уровень образованности просителя был очень сомнительным, учитывая стиль прошения: «Хочу работать для Великих Немец, которых сила освободила нас ать камунисцичыского бальшавицувго террору» (орфография сохранена – Е.Г.) [10, л. 18]. То есть, служба в коллаборационной администрации могла рассматриваться как одна из стратегий выживания в условиях оккупации. Позднее, под влиянием событий на фронте и нараставшего движения Сопротивления количество добровольцев уменьшалось, а ряд сотрудников низового звена коллаборационной администрации стремились освободиться от исполняемых обязанностей, которые в некоторых случаях могли исполняться вынуждено. Например, в 1943 г. на имя Поставского волостного бургомистра поступило несколько прошений сельских старост (солтысов) разных общин, которые просили освободить их от занимаемых должностей, мотивируя свои просьбы своей малограмотностью, угрозой со стороны партизан, истечением срока исполнения обязанностей старосты в порядке очередности (практика, при которой все мужчины по очереди в течение месяца исполняли обязанности солтысы в виду отсутствия добровольцев) и семейными обстоятельствами [10, л. 2, 5, 7, 11].

Граждане могли использовать оккупационные власти для сведения личных счетов. В Западной Беларуси граждане, пострадавшие от советской власти, стремились отомстить советским активистам, тем более что в начальный период оккупации обвинение в лояльности советской власти могло вызвать репрессии со стороны немцев без выяснения обстоятельств. Уголовно-административный отдел Поставской районной управы регулярно рассматривал дела по обвинению местных жителей в коммунистической деятельности. В органы коллаборационной администрации поступили заявления ряда граждан, которые обвиняли своих односельчан в сотрудничестве с советской властью в предвоенные годы и лояльности к большевикам в настоящее время. Жителю Поставского района вменялось в вину, что он при советской власти работал налоговым агентом и несправедливо устанавливал налоги, в период оккупации записывал имена тех, кто плохо отзывался о советской власти, а в период нахождения региона в составе Польши якобы вывесил красный флаг на огороде ксендза. Из протоколов допросов доносчиков явствовало, что они имели к обвиняемому личные счета за то, что он установил для них высокие налоги. Начальник Поставской районной управы, ознакомившись с материалами дела, нашел, что деятельность обвиняемого в период польской власти в настоящий момент особого значения не имеет, в советский период обвиняемый не мог иметь отношение к определению граждан как кулаков, поскольку этот вопрос находился в ведении исполнительного комитета, а в настоящее время он не замечен в какой-либо подрывной деятельности, и передал дело коменданту жандармерии [11, л. 2 – 5 об., 14 об.].

Осенью 1941 г. коменданту полиции Поставского района поступило заявление на гражданина, которого односельчане обвиняли в сотрудничестве с советской властью (организация колхоза). Интересно, что другие 13 односельчан в своем заявлении свидетельствовали, что обвиняемый им известен как человек религиозный, во время советской власти икон из дома не выбрасывал, как делали многие, религию публично не критиковал, посещал церковь. Это же подтверждал и настоятель церкви. Сам обвиняемый в прошении на имя начальника Поставского района заявлял, что будучи ранее преследуем поляками за свои белорусские убеждения обрадовался советской власти, не зная, какие при ней установятся порядки, работал секретарем актива, но «ужасы и расправа НКВД его разочаровали». В итоге начальник района счел обвинения недоказанными [12, л. 2 – 14]. В другом случае гражданин был обвинен в том, что был

секретарем районного отдела комсомола, организовывал красные уголки и выступал на митинге, двое других – в проведении коммунистической агитации. На основании опроса сотрудниками полиции односельчан обвиняемых начальник Поставского района постановил, что они не проявляли большого усердия в пропагандистской деятельности, вреда местным жителям не принесли, доказательств в симпатии к советской власти в настоящее время не имеется. В итоге дело было передано на рассмотрение в жандармерию [13, л. 1–2].

Вполне логично, что обвинение в коммунистической деятельности выдвигалось против бывших сотрудников милиции, которые, даже если и не имели отношения к советским репрессиям, по долгу своей службы могли наживать врагов среди местных жителей. Например, один из бывших милиционеров был обвинен несколькими жителями Поставского района в связях с НКВД, участии в депортациях, поиске граждан, которые не любили евреев и большевиков, убийстве человека в парке в Поставах, т.е. использовался типичный набор обвинений [10, л. 15 – 16].

С этим инцидентом связан еще один, поскольку и здесь фигурирует эпизод убийства милиционерами гражданина в городском парке. Так, 18 марта 1942 г. начальник Поставского района рассмотрел дело по обвинению гражданина в коммунистической деятельности. Опрошенные в ходе дознания граждане ставили ему в вину службу в милиции, расстрел человека в городском парке, покушение на убийство, содействие аресту и осуждению гражданина советским судом за антисемитские высказывания, преследование граждан, содействие в высылке в Сибирь и связях с НКВД.

Начальник района, проанализировав следственные материалы, не нашел состава преступления ни по одному из пунктов обвинения. Служба в милиции, по его мнению, не являлась основанием для наказания в настоящее время. Информация об участии в расстреле гражданина в городском парке основывалась на слухах, и никто из опрошенных по данному делу лиц при расстреле не присутствовал. Обвиняющий его в покушении на убийство гражданин («во время отступления большевиков обвиняемый хотел меня расстрелять за то, что я не любил большевиков») не смог объяснить, в каких именно действиях это стремление выразилось. Относительно обвинения в содействии в осуждении гражданина за антисемитские высказывания выяснилось любопытное обстоятельство. В архиве районной управы было обнаружено дело советского суда, из которого явствовало, что гражданин был приговорен к тюремному заключению условно за то, что публично оскорбил и избил несколько евреев, при этом обвиняемый не имел отношения к судебному процессу. Что касается содействия в высылке в Сибирь было установлено, что один из депортированных граждан являлся членом польской шовинистической организации Лагерь национального объединения (Obóz Zjednoczenia Narodowego, OZN), враждебно относившейся к национальным меньшинствам, и, естественно, члены ее подвергались репрессиям со стороны советской власти, но обвиняемый не мог быть причиной высылки. Вызвало скепсис также обвинение в связи с НКВД на том основании, что «деятельность этого учреждения всегда была покрыта тайной», и свидетели ничего не могли об этом знать и даже путались в названии должности обвиняемого в милиции, который именовался то как участковый, то как инспектор. Очевидно, что обвиняемый действительно вызвал гнев и раздражение многих граждан и сотрудников полиции, т.к. после первого рассмотрения его дела начальником района полиция предоставила два дополнительных протокола опроса свидетелей. Один из протоколов базировался на непроверенных слухах и не содержал конкретных обвинений. В другом протоколе свидетель (брат депортированного гражданина) заявлял, что наблюдал в милиции сцену, когда обвиняемый якобы осмолит головешкой бороду польскому осаднику. Начальник района отметил, что поскольку этот осадник депортирован, проверить справедливость обвинения не представляется возможным, а заявляющий об этом свидетель – брат члена польской шовинистической организации, поэтому его показания не внушают доверия. В то же время двое других опрошенных по данному делу граждан показали, что обвиняемый во время службы в милиции не был предан советской власти и даже помогал людям, которым грозил арест. Выяснилось также, что обвиняемый уже арестовывался в 1941 г. по обвинению в коммунистической деятельности, но был освобожден ортскомендатурой. Естественно, что сам гражданин не признал себя виновным ни по одному из пунктов обвинения.

Начальник района констатировал, что все показания основаны на слухах и ничем не обоснованных выводах некоторых граждан, в т.ч. показаниях польских шовинистов, и при этом имеются показания в пользу обвиняемого, данные лицами, враждебно настроенными к советской власти. Поскольку аналогичное расследование уже проводилось ранее, непонятно, зачем полиции потребовалось его возобновлять (субъективная сторона в действиях сотрудников полиции была очевидна). Дело было передано коменданту жандармерии [14, л. 1–2, 20].

ГІСТОРЫЯ

Таким образом, в начальный период нацистской оккупации Западной Беларуси помимо криминальных преступлений и злоупотреблений служебным положением сотрудниками коллаборационной администрации и полиции имели место конфликтные ситуации между гражданами как результат сложного наследия советской эпохи. Некоторые граждане предпринимали попытки использовать немецкую и коллаборационную администрации как инструмент мести своим обидчикам периода советской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). Ф. 2843. Оп. 1. Д. 7. Дело по обвинению Тарашкевича Федора и Боровко Николая самогоноварении.
2. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 19. Дело по обвинению Тараскевича Ивана и других в самогоноварении.
3. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 12. Дело по обвинению Гринько Николая и других в драке.
4. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 18. Дело по обвинению Никеперовича Михаила и других в избивании полицейского.
5. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 20. Дело по обвинению Тарасевича Валентина и других в разоружении полицейского.
6. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 16. Дело по обвинению Летчика Фабиана в краже табака.
7. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 10. Дело по обвинению полицейских Агеева и Шалковского за самовольное проведение обыска.
8. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 11. Дело по обвинению Боровко Анатолия в злоупотреблении служебным положением.
9. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 21. Дело по обвинению Яриковского Эдуарда в незаконных действиях.
10. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 15. Дело по обвинению Игнатовича Тишки в коммунистической деятельности.
11. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 17. Дело по обвинению Липницкого Казимира в коммунистической деятельности.
12. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 1. Дело по обвинению Диковича Евстафия в коммунистической деятельности.
13. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 3. Дело по обвинению Кабайло Александра в коммунистической деятельности.
14. ГАВт. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 14. Дело по обвинению Игнатьева Евстафия в коммунистической деятельности.

УДК 291.12"1920/1930"

РЕЛИГИОЗНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ БССР В 1920-х – 1930-х ГОДАХ*магістр іст. навк Н.В. ДОВГЯЛО***Полоцкий государственный университет, Новополоцк**

Проанализированы отличия в религиозном мировоззрении отдельных социальных, возрастных, групп населения Беларуси. Определены различия в уровне религиозности верующих, принадлежавших различным конфессиональным группам. На протяжении 1920 – 1930-х годов католики, иудеи, протестанты сохранили высокий уровень религиозности. Для православного населения было характерно снижение уровня религиозности в 1920-х годах и его подъем в конце 1920-х – начале 1930-х как реакция на антирелигиозные мероприятия властей.

Непосредственным источником данных о религиозном составе населения БССР в 1920 – 1930 гг. являются сведения, собранные местными партийными органами. Поэтому составление объективной картины религиозности населения осложняется тем, что ее представляли те же самые активисты, которые отвечали перед вышестоящими партийными органами за проводимую ими атеистическую работу с населением и ее результаты. Это создавало двойственное положение, когда, с одной стороны, для атеистической деятельности необходимо было получать достоверные сведения, с другой – эти же данные должны были свидетельствовать о достижениях на антирелигиозном фронте.

Анализ архивных документов позволяет говорить о том, что уже в первой половине 1920-х годов появилась разница в религиозном мировоззрении отдельных групп населения, совпадавшая с возрастными и социальными различиями. В городах и поселках религиозность рабочих упала, но в деревне на разрыв с религией решались немногие. Высокий уровень религиозности крестьянского населения был тесно связан с сохранением бытовой обрядовости. Сельское население ощущало потребность в торжественной обстановке, отмечающей наиболее важные события в жизни крестьянина и его семьи. В документах, характеризующих религиозные отношения в деревне, указывалось, что церковная обрядовость применяется